

В. П. ВОЛГИН

ФРАНЦУЗСКАЯ КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПРЕССА 40-х ГОДОВ XIX ВЕКА

40-е годы XIX в. — время наибольшего влияния и наибольшего распространения во Франции идей утопического коммунизма. Отдельные произведения, проникнутые «духом общности», проповедующие в той или иной форме принципы общественной организации труда, могут быть отмечены уже в литературе XVII в. Гораздо больше книг, критикующих строй частной собственности и защищающих принципы коммунизма, появилось в XVIII в. Но все это были разрозненные выступления отдельных писателей, связанных друг с другом лишь общностью принципов. В конце XVIII в., в эпоху Французской революции, коммунизм впервые стал в устах Бабефа лозунгом политической борьбы. После разгрома бабувизма коммунистическая мысль как бы отступает перед натиском торжествующей реакции, чтобы затем выйти из подполья в посвященной заговору Бабефа книге Буонарроти и в пропаганде тайных обществ 30-х годов.

В 40-х годах коммунизм, распространяясь вширь и вглубь, приобретает характер общественного движения. Он пытается теперь на более широкой, чем во времена бабувизма, основе установить связь с классовой борьбой пролетариата. За 10-летие, от 1837 до 1848 г., во Франции появились десятки книг и памфлетов, посвященных пропаганде принципов «общности». Возникло множество тайных организаций, служивших той же цели. К этим же годам относится ряд попыток издания коммунистических журналов. Правда, эти журналы были весьма недолговечны. Иногда их издателям удавалось выпустить только один номер, носящий характер проспекта. Но для истории развития утопического коммунизма их изучение представляет значительный интерес.

1

В 1837 г. Лапоннере, привлекавшийся уже ранее к суду по обвинению в пропаганде революционных взглядов, предпринял первую попытку создания легального органа с целью пропаганды идей общности. Этот орган — журнал «L'Intelligence», — в котором, кроме Лапоннере, принимал участие Лаотьер, не объявлял себя открыто коммунистическим и даже избегал слова «коммунизм». Но помещавшиеся в нем статьи были направлены, по словам современников, на то, чтобы подвести читателя к коммунистическим выводам¹. В 1839 г. тот же Лапоннере выпустил номер-проспект журнала «La Propagande».

Одновременно Пийо приступил к изданию журнала «La Tribune du Peuple». Выступая решительным противником деспотизма и освящающей его религии, учеником и последователем великих просветителей XVIII в., Пийо, как и его учителя, считает невежество и деспотизм основ-

¹ G. Sencier. Le Babouvisme après Babeuf (1830—1848). Paris, 1912, p. 119; G. Morange. Les idées communistes dans les sociétés secrètes et dans la presse sous la monarchie de Juillet. Paris, 1905, p. 52; B. Malon. Histoire du socialisme, t. II. Paris, 1883, p. 190—191.

ными причинами царящего в обществе зла. Деспотизм воспринимает разделение общества на касты, неравенство состояний, господствующий в обществе дух индивидуализма². Пийо полагает, что, выступая против деспотизма и фанатизма, он защищает интересы народа, иными словами, — интересы бедных. Моя руководящая идея, говорит он, — любовь к народу и к истине. Враги народа — те, кто богат и счастлив. Они грабят народ, отнимают у него плоды его труда. Они ставят всечасные препятствия просвещению народа, видя в нем опасность для существующего строя. Народу надо понять, где его истинные друзья. Свою цель Пийо видит в том, чтобы помочь бедным постичь всю полноту их прав и сбросить тяготеющее над ними иго эксплуатации и угнетения³. Многие полагают, что революция завершилась. Но народ по-прежнему страдает от голода, он по-прежнему угнетен. Миллионы сердец требуют хлеба и зовут к мести. Революция продолжается, и она неизбежно победит⁴.

Резко осуждая отношения, господствующие в современном ему обществе, Пийо, однако, не дает еще в своем журнале четкой характеристики того общественного порядка, который должен, по его мнению, прийти на смену существующему. Выражая глубокую вражду к существующему социальному порядку, клеймя строй неравенства и эксплуатации, Пийо противопоставляет ему строй, основанный на равенстве. Трудящийся, утверждает он, имеет больше права на владение, чем праздный, который только потребляет. Это право трудящегося — естественное право⁵. «Мы хотим, — заявляет Пийо в другом месте, — чтобы плоды труда принадлежали трудящемуся»⁶. Но как должно быть организовано общество, чтобы обеспечить права трудящихся, Пийо не указывал. Коммунистические воззрения Пийо, по-видимому, в это время еще не вполне оформились.

Отдельные статьи с более или менее ярко выраженными коммунистическими тенденциями публиковались и в других оппозиционных органах 30-х годов. Таковы, например, статьи Теста в журнале «La Tribune». Кабе считал этот журнал коммунистическим, хотя и не высказывающим открыто своих коммунистических идей. В действительности, журнал стоял на позициях неопределенного эгалитаризма, защищал идеи возможно более справедливого распределения общественных благ. Статьи Теста не определяли общего характера журнала.

Более яркое выражение коммунистические и революционные настроения находили, как и следовало ожидать, в нелегальных изданиях, выходивших во второй половине 30-х годов. Подпольные органы были более откровенны и в своей критике существующих общественных порядков и в изложении выдвигаемых принципов общественного преобразования. В официальном докладе на судебном процессе по делу о выступлении 12—13 мая 1839 г. отмечалось распространение в Париже двух таких нелегальных журналов: «L'homme libre» и «Le Moniteur républicain». В № 3 «L'homme libre» была помещена, как говорилось в докладе, статья «О наследовании», направленная против передачи имущества по наследству. Право наследования, как и право собственности, автор считал несправедливостью и грабежом. Честные люди страдают под бременем нищеты из-за того, что мошенники отнимают у них часть благ, данных им природой. Необходимо разбить вдребезги этот порядок вещей, сбросить аристократию знати и денежную аристократию с того пьедестала, который воздвигли для них предрассудки. В заключение автор статьи призывал поднять знамя мятежа и уравнивания (de la révolte et du nivellement). В № 4 этого же органа была напечатана статья «Об общности». Мы требуем общности (la communauté), говорилось в статье, такой или почти

² «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. 179.

³ Ibid., p. II—III.

⁴ «La Tribune du Peuple», 1839, № 2, p. 175.

⁵ «La Tribune du Peuple», 1839, № 1, p. 13.

⁶ Ibid., p. IV.

такой, как ее понимал Бабеф. Наш долг — разрушить до основания социальное здание и построить его затем на новом фундаменте. Близится время, когда народ с оружием в руках потребует возвращения своих богатств. Земля должна принадлежать всем. Те, кто ничем не владеет, ограблены теми, кто владеет. Нас, бедных, 24 миллиона, а наших врагов мало; чтобы победить, нам достаточно понять наши обязанности и наши права. Статья призывала к революционной пропаганде среди солдат, которые, будучи жертвой грабежа, по своему невежеству сами этот грабеж поддерживают. Они должны обратить свое оружие против тиранов и их лакеев ⁷.

В другом нелегальном журнале тех же лет, «Le Moniteur républicain», социальные цели движения охарактеризованы менее определенно. Журнал указывал на необходимость найти для общества разумную основу, отсутствующую в монархии Луи Филиппа. Человечество способно к бесконечному совершенствованию и бесконечному прогрессу. Оно должно быть объединено во имя прогресса. Оно должно трудиться над усовершенствованием своего рода и всей природы.

Человек — существо социальное и в силу своей организации и в силу своих потребностей. Общество — необходимая форма жизни человека; для того чтобы люди образовали общество, не требуется никакого общественного договора. Общество — все, индивид — ничто. Человек получает какие-либо права лишь постольку, поскольку он выполняет обязанности по отношению к обществу ⁸. Высокой целью человечества являются единство и братство. Для скорейшего достижения эпохи единства и братства человек должен все принести в жертву, все использовать, в том числе даже пороки существующего общества. Путь к идеалу братства ведет через политическую революцию. Но политическая революция — это лишь необходимая ступень к революции социальной, которая должна в конечном итоге на развалинах существующего общества построить новое, основанное на принципе общности ⁹.

Французская нация, писал журнал, уже в течение 50 лет борется за свободу, равенство, материальное и моральное благосостояние. Революционный дух нации не угасает, ибо она не достигла еще той цели, к которой стремилась. Для народа не имеет значения, именуется ли себя его тиран королем божьей милостью или он получил мандат от 150 рабов, присвоивших себе права народных представителей. В том и в другом случае результат один и тот же. Разве Луи Филипп не вернулся в страну вместе с Карлом X в обзоре казацких частей? Луи Филипп такой же Бурбон, как и те, которых мы прогнали.

Понятие суверенитета народа — вторичное понятие, вытекающее из идеи прогресса. Но задача состоит сейчас в том, чтобы восстановить народный суверенитет — эту цель первой революции. Пока эта цель не достигнута, исполнительная власть будет опираться на силы реакции вне страны и поддерживать аристократический дух, коррупцию и привилегии внутри страны. Автор статьи полагает, что разделение общества на два класса, эксплуататоров и эксплуатируемых, произошло в результате сознательной политики власти, которая может существовать только до тех пор, пока нет единства нации ¹⁰.

На французских республиканцах, говорит автор, лежит священная обязанность по отношению как к Франции, так и ко всему миру. На своем пути французские революционеры встретят множество врагов, натолкнутся на множество препятствий. Но ничто не должно их останавливать. Свою высокую миссию Франция сможет выполнить лишь при условии установления в ней подлинной демократии, правления всех в интересах

⁷ Ménilhou. Rapport (Affaire de 12 et 13 mai 1839). Paris, 1840, p. 51—53.

⁸ «Le Moniteur républicain», № 1, 3 frimaire, an 46. Prospectus.

⁹ «Le Moniteur républicain», № 6.

¹⁰ «Le Moniteur républicain», № 3.

всех. Свобода и равенство — необходимые условия достижения прогресса. Монархии и аристократии — враждебны делу социального возрождения¹¹.

Конечная цель прогресса — братство всех членов великой семьи человечества. Призыв к братству должен быть обращен ко всем людям доброй воли, не только к бедным и несчастным, но и к богатым, если они не закоснели в преступлениях и не запятнали себя эксплуатацией других людей¹². Журнал резко критиковал правительство Луи Филиппа и деятельность законодательных учреждений Июльской монархии, пренебрегавших интересами народа. Июльская революция, по мнению журнала, была отмечена единением всего народа, всех классов в любви к отечеству и в ненависти ко всяким видам угнетения. Народ остался верен знамени освобождения, знамени 1789 и 1793 гг. В результате революции власть должна была перейти к временному правительству, избранному самим сражавшимся народом, представлявшим в тот момент весь народ Франции¹³. Это временное правительство должно было выполнять функции революционной диктатуры, которая неизбежно должна предшествовать полному утверждению принципов демократии. Но власть была вырвана из рук народа; воцарение Луи Филиппа было просто узурпацией¹⁴.

Иногда в статьях журнала проявлялось трезвое понимание соотношения и борьбы классовых сил. Так, «Le Moniteur républicain» отмечал классовый характер социального законодательства, воспрещавшего какое бы то ни было объединение рабочих для защиты минимума заработной платы, но допускавшего объединение предпринимателей для сговора, направленного против интересов рабочих. Всем, кто пытался объединиться для борьбы за улучшение материального положения или для завоевания политической свободы, грозило тюремное заключение. Буржуазии вполне довольна таким порядком, поскольку он позволяет ей разделять с аристократией привилегии, принадлежавшие ранее одной аристократии. Буржуазия хочет уверить, что революция уже завершена. Но недалек тот момент, когда она с ужасом увидит, что народ не желает мириться с таким порядком и поднимается на защиту своих погранных прав¹⁵.

Не менее резко выступают авторы «Le Moniteur républicain» против порядков, царящих в других капиталистических странах. В известной мере эту критику следует рассматривать как полемику против идеализации в либеральных кругах Франции английского и американского строя. Англия, заявляет «Le Moniteur républicain», — это питомник кущцов, эксплуататоров, тюремщиков и палачей. Она заставляет пролетариев стонать под тройным игом — знати, поповщины и спекулянтов. Соединенные Штаты — «смехотворная республика» (*république dérisoire*), «аристократия алтынников» (*aristocratie grappe-sou*).

Своеобразнейшую черту журнала составляют его рассуждения, обосновывающие необходимость и допустимость царубийства. Королевская власть, пишет автор статьи «О царубийстве», — это вечное препятствие на путях прогресса — должна быть уничтожена. Но королевская власть воплощена в личности короля; следовательно, вместе с королевской властью должен исчезнуть и король. В распоряжении короля имеются 400 тыс. солдат и миллионы золота. Единственное средство борьбы с королевской властью, остающееся при таких условиях у народа, — это царубийство. Царубийство — не преступление, а героический акт. Множество исторических примеров оправдывает идею царубийства. Иногда пролить кровь членов одной семьи — значит предупредить гибель бесконечного числа простых людей, гибель целых поколений. Сострадание к

¹¹ «Le Moniteur républicain», № 3.

¹² «Le Moniteur républicain», № 8.

¹³ Ibidem.

¹⁴ «Le Moniteur républicain», № 6.

¹⁵ «Le Moniteur républicain», № 3.

королям — проявление трусости и малодушия рабов. Поразить тирана — священная обязанность каждого человека, отдающего свои силы делу прогресса, самый экономный и самый надежный способ покончить с тиранией¹⁶.

Автор статьи не ограничивается этими общими рассуждениями. Он подчеркивает, что, говоря о короле, имеет в виду короля Луи Филиппа, преступления которого несколько не меньше, чем преступления Людовика XVI, понесшего законную кару. Не следует думать, что для уничтожения тирана нужно искать какие-то легальные средства. Не обязательно, чтобы судьбу Луи Филиппа решал революционный конвент. Если нет иных средств устранения тирана, судьей его должен стать отдельный человек¹⁷.

Годы Июльской монархии отмечены, как известно, целым рядом покушений на жизнь Луи Филиппа. «*Moniteur républicain*» представляет единственную в своем роде попытку теоретически обосновать их. В то же время это единственный для Франции той эпохи пример сочетания идеи социальной революции с идеей индивидуального террора.

2

1840 год явился в известном смысле поворотным пунктом во французском коммунистическом движении. Этот год отмечен первым банкетом открыто коммунистического характера, а также оживлением последовательно коммунистической пропаганды тайных революционных обществ. В этом же году видный деятель коммунистического движения Дезами предпринял издание журнала «*L'Égalitaire*». Журнал, по-видимому, был связан с тайным революционным обществом «*Travailleurs égalitaires*». В своих представлениях о причинах общественного зла «*L'Égalitaire*» ostается на почве рационализма; в своей аргументации в пользу коммунизма он исходит в основном из доводов морального характера.

Цель человека, рассуждает Дезами, — счастье. Чтобы постигнуть, в чем состоит счастье, надо изучать природу человека: счастье заключается в полном и планомерном развитии его способностей. Универсальный закон, доминирующий над всем, — закон равенства. Как только исчезает равенство, распадается все общественное здание. Без реального равенства (*l'égalité réelle*) нет ничего устойчивого, в обществе царят беспорядок и революционное брожение¹⁸. Интересную черту в аргументации журнала составляет признание того положения, отражающего, по-видимому, влияние Фурье, что для прочности общества важнее нравы, чем законы, принципы, чем правила.

Положительную сторону пропаганды журнала составляет четкость защищаемого им общественного идеала.

Только уравниатели (*les égalitaires*) подрывают общественное зло в корне, отнимая почву у жадности, безнравственности, испорченности и тирании, только они способны разрешить тем самым проблему сочетания свободы и морали¹⁹. Пропаганда идей уравниателей и является, заявляет Дезами, задачей журнала.

«*L'Égalitaire*» объявил себя органом демократии. Но под демократией, говорится в одной из передовых статей журнала, мы понимаем не только политическую форму: избирательное право чаще всего является гнусным обманом. Истинная демократия — это социальная организация, в которой общественное достояние равно принадлежит всем и всем приносит равную пользу. Такая демократия не будет реализована, пока в наших законах имеется малейшее неравенство. Такая демократия — коммунизм, обетованная земля человечества. Цель уравниателей — осуществить возможно

¹⁶ «*Le Moniteur républicain*», № 6.

¹⁷ *Ibidem*.

¹⁸ «*L'Égalitaire*», № 1, p. 1—3.

¹⁹ *Ibid.*, p. 30.

скорее «святую общность» (la sainte communauté) прав и обязанностей. Во имя этой цели журнал призывает объединить, с одной стороны, «несчастных пролетариев», которые непосредственно страдают от нечестивой социальной организации, а с другой — всех разумных и благородных людей, способных прислушаться к голосу совести. Даже «рабы эгоистических страстей» могут примкнуть к уравнителям, ибо равенство обеспечивает общее благо, а из общего блага вытекает благо каждого ²⁰.

Журнал уделял немало внимания народным волнениям, происходившим в 1840—1841 гг. в различных областях Франции. Автор обзора в № 1 журнала считал нужным застраховать себя от возможных обвинений: «Мы, — заявлял он, — далеки от мысли возбуждать массы». Автор подчеркивал, что он лишь «не чувствует смелости осуждать» несчастных крестьян и бедных рабочих.

Ясного понимания значения этих стихийных движений для роста классового самосознания рабочих и для дела борьбы за коммунизм мы в журнале не находим. Но в излагаемой нами статье из приводимых в ней фактов все же делается весьма многозначительный вывод: растет и организуется новая сила, которая стремится уравновесить силу закона (la force légale). Закон ничего не может противопоставить власти событий (la force des événements). Близится реальная эмансипация «пролетарских классов». «Настала пора сбросить с себя летаргию, противопоставить привилегиям сплоченные силы сторонников равенства, бросить наше моральное влияние на чашу весов исторических судеб». «L'Égalitaire» открыто примыкает к коммунистическим традициям XVIII в. Книгу Морелли о «Кодексе природы» журнал называет прекрасным трудом. Он выступает с пространной и решительной защитой бабувизма против критики, которой его подверг Торе в «Journal de peuple». «L'Égalitaire» солидаризуется с основными положениями бабувизма, в том числе и с мыслью бабувистов о революционной диктатуре. О путях, которыми страна должна прийти к диктатуре, автор рассматриваемой статьи не говорит. Однако совершенно бесспорно, что «L'Égalitaire» не ждет ничего для дела народа от парламентской борьбы. Никто не принес такого вреда народному делу, как парламент, заявляет «L'Égalitaire». Парламент в наибольшей степени содействовал задержке революции, ставя себя между двором и народом. Он отвлекал народ от борьбы за свои права. Так характеризуется роль парламента в период реставрации. Но из контекста ясно, что автор, говоря о недавнем прошлом, имеет в виду общую оценку парламентских методов борьбы.

Как сжатая формулировка социальных идей журнала интерес представляет тост, который Дезами предполагал произнести от имени журнала на одном из демократических банкетов (президиум не разрешил его огласить, но он был опубликован в журнале): «За социальное равенство! — писал Дезами в этом проекте тоста. — Из социального равенства с неизбежностью вырастут все самые радикальные политические реформы. За уравнительную демократию! При ее царстве нам нечего будет бояться — как при демократиях прошлого, — что форум станет ареной продажности и коррупции, что снова простовщички превратят храм закона в притон воров. За социальную демократию! Искореним язву привилегий, завоюем и упрочим все наши права, реализуем на земле все те мечты, которые баюкали нас в детстве. Граждане! Пусть все наши сердца сольются в одной мысли: да здравствует социальная общность!» ²¹.

После прекращения выхода журнала «L'Égalitaire» деятели коммунистического движения сделали попытку издания нового журнала — «Le Communautaire». Передовая статья первого и единственного его номера должна была служить проспектом издания. Автор ее (по всей вероятности, Дезами) писал, что журнал ставит себе целью не только исследова-

²⁰ «L'Égalitaire», № 2, p. 33—39.

²¹ «L'Égalitaire», № 1, p. 19—23.

ние причин несчастий человечества, но и указание путей к их устранению. До сих пор, говорит он, не существовало сколько-нибудь солидно обоснованного труда по этому вопросу. Необходимо создать науку об обществе. Ближайшая задача состоит в том, чтобы пробудить в читателях интерес к этой науке и дать ее первоначальный набросок. Автор уподобляет себя архитектору, который чертит сначала план будущего строения, чтобы затем, опираясь на знание окружающей его действительности, предложить средства для осуществления этого плана ²².

В своем понимании действительности автор статьи стоит на материалистических позициях. Вселенная, говорит он, бесконечна в пространстве и не имеет начала во времени. Все отдельные вещи — лишь формы проявления этого единого бытия. Его нельзя назвать разумным, так же как нельзя назвать красным или синим. Это свое материалистическое мировоззрение автор противопоставляет «деизму», разумея, очевидно, под этим словом религию вообще. Деизм, говорит он, мы считаем первопричиной ошибок и одичания человечества, почвой, на которой вырастают все социальные бедствия.

Человек всегда жил и живет в обществе, никакая индивидуальная сила не может заменить силы общественной. Но соединение людей, при котором остаются неприкосновенными их частные интересы, не есть подлинное социальное объединение, оно не соответствует естественному праву. Личные, частные интересы противостоят в нем интересам общим, эгоизм противостоит братству. Социализировать — значит объединить; различные частные интересы при этом отступают, господствует интерес к общему благу. Осуществление принципа общности ведет к централизации распыленных сил, к многократному росту могущества человеческого общества, к росту его благосостояния, к подъему его духовной жизни.

Только общность способна обеспечить человеку постоянный и прочный интерес к жизни ²³.

Там, где общество представляет некое единство, человек целиком принадлежит общественной организации. Рассматриваемый со стороны сил и способностей, он — должник общества, рассматриваемый со стороны потребностей и желаний, он — кредитор общества. Общество заставляет гражданина делать все то, что надлежит; оно предоставляет ему возможность делать все то, что не вредит. В обществе должно соблюдаться следующее правило, которое является аксиомой: сначала необходимое, потом полезное и, наконец, приятное. Общество считает своими доходами все удовольствия, которые испытывают его граждане, оно числит своими потерями все неприятное, что оно причиняет гражданину. Общество постоянно стремится увеличить первые и уменьшить вторые, обеспечить условия, необходимые для человеческого счастья. Силами человека оно производит для человека; человек дает и получает, производит и потребляет ²⁴.

В нормальном обществе человек не зависит от прихоти другого, он зависит только от социального разума. Общество стремится подавлять дурные желания людей, поощрять, развивать и широко удовлетворять желания добрые. Зависимость человека от общества, которая в существующих условиях является рабством, будет в нормальном обществе самой прекрасной, самой подлинной свободой, ибо она не будет отрицанием братства, не будет связана с угнетением и бедствиями других ²⁵.

С характеристикой строя общности связаны и представления о нормальной организации семьи и воспитания. Автор статьи решительно высказывается против существующей формы семьи. Брак в настоящем его

²² «Le Communautaire, Journal démontrant la science sociale». 1-er numéro servant de prospectus-spécimen, 1840, p. 1.

²³ Ibid., p. 2.

²⁴ Ibid., p. 3.

²⁵ Ibidem.

виде должен быть отменен. Семья должна быть, по мнению автора, заменена свободным моральным союзом полов — союзом, подлежащим, однако, некоторой общественной регламентации. Родители не должны претендовать на власть над своими детьми. Воспитание должно быть строгим применением основных принципов социальной науки²⁶.

Для осуществления порядка общности нужна сознательная организующая власть. Власть должна принадлежать людям, обладающим живым и просвещенным социальным чувством. Только они имеют моральное право руководить обществом. Автор придает большое значение теории, обосновывающей общность; он призывает всех людей, борющихся за лучшее будущее человечества, быть очень внимательными к содержанию тех идей, которые они проповедают²⁷.

Современное общество, полагает автор, основано на конкуренции и эксплуатации. Каждый из его членов должен выбрать себе в этом обществе тот или иной путь, должен сосредоточить на чем-то всю свою активность, чтобы обеспечить себе владение основной движущей силой этого общества — деньгами. Каждый из членов общества, таким образом, заинтересован в том, чтобы источник, обеспечивающий его существование, не пересох и не закрылся. В этом сложность общественного преобразования. Как только прекратится нормальное и повседневное обращение благ, приносящее людям их насущный хлеб, они потеряют уверенность в завтрашнем дне. Если вы немедленно не обеспечите изменение условий существования, все начнут мечтать о возврате к старому. В этом причина того, что народы после продолжительных кризисов и бесплодных усилий возвращаются силою вещей к исходному положению²⁸.

Между строем, основанным на деньгах и на личной предприимчивости, и строем, в котором право на существование каждого обеспечивается централизованной силой общества, нет и не может быть, по мнению автора, никакого промежуточного порядка. Препятствия, которые могут помешать преобразованию, силы, которые могут ему противодействовать, — одинаковы и при длительном переходе и при кратковременном и решительном перевороте. Различие лишь в том, что длительный переходный период создает с каждым днем новые препятствия, ослабляет усилия и веру в успех дела, порождает разногласия в рядах коммунистов. Опыт учит, что, если какая-либо идея в момент своего апогея только провозглашается и не претворяется в дело, она гибнет и ее предадут ее собственные защитники. Отвергнем же, обращается автор к сторонникам коммунизма, всякий переходный период. По существу — он безобразное чудовище, у которого отсутствует большинство необходимых для жизни органов²⁹.

Рассмотренный нами проспект журнала «Le Communautaire» с несомненностью свидетельствует о стремлении его автора объединить вокруг журнала сторонников активной борьбы за строй общности. Автор, безусловно, понимает важность для такого объединения идейного единства, революционной теории. Он заявляет о необходимости построить эту теорию на основах материалистической философии. Но подобно материалистам XVIII в., учеником которых он, бесспорно, является, он оказывается не в состоянии материалистически осмыслить явления общественной жизни. Критика существующих общественных отношений носит у него морально-рационалистический характер: в проспекте мы не находим ни сколько-нибудь серьезного анализа экономических отношений существующего общества, ни характеристики общественных классов. Совершенно естественно, что в проспекте остается невыясненным и вопрос о конкретных условиях и конкретных методах борьбы за строй общности.

²⁶ «Le Communautaire», p. 2.

²⁷ Ibid., p. 3.

²⁸ Ibidem.

²⁹ Ibid., p. 4.

В 1841 г. вышло 3 номера журнала «L'Humanitaire», в редакцию которого входили деятели тайных обществ: Шараве, Фомберто, Мей; Мей считали основным руководителем журнала и автором его программных статей. Участвовал в нем, надо полагать, и Дезами. По своим задачам и по защищаемой им общественной философии «L'Humanitaire» весьма близок к «Le Communautaire». Так же как и «Le Communautaire», новый журнал проповедовал необходимость разработки науки об обществе. Отсутствие труда или органа, который ставил бы перед собой задачу создания и ясного изложения социальной науки, «L'Humanitaire» считал одной из существенных причин господствующих среди коммунистов разногласий. Социальная наука должна быть позитивной и наглядной. Она должна выйти из мрачных глубин абсурдной метафизики — главной причины заблуждений человеческого разума. Победа истины неизбежна, она придет скоро.

«L'Humanitaire», как и «L'Égalitaire», исходит в построении науки об обществе из природы человека. Человек — существо, предназначенное природой для жизни в обществе. Цель социальной науки — обеспечить для членов общества положение, вполне соответствующее человеческой природе, положение, при котором получают удовлетворение потребности человека и получают полное развитие все его способности. Человек по своей природе отнюдь не склонен к злу. Общественное зло является результатом общественного порядка, не соответствующего законам человеческой природы. Жить согласно природе — это значит удовлетворять всем ее требованиям. Это истинный критерий человеческой мудрости, это истинное счастье. В обществе, основанном на законах человеческой природы, зло станет невозможным. Разум или точное знание станут тогда единственной движущей силой всех человеческих действий, как ныне они являются движущей силой действий отдельного мудрого человека. Человек с развитым разумом никогда не станет вредить самому себе. Важнейшая задача социальной науки состоит поэтому в том, чтобы найти такое положение, при котором человек не сможет вредить другим, не вредя самому себе.

Такой порядок возможен лишь при осуществлении равенства. Именно равенство, и только равенство, способно разрешить все социальные проблемы. Равенство предполагает, по мнению журнала, не равную дележку, а единство и неделимость благ, — общность всех имуществ, включая и землю. Только общество, основанное на равенстве, сможет обеспечить развитие всех способностей человека. Основным принципом такого общества должно быть положение: от каждого по его способностям, каждому по его потребностям. Человеческая активность не исчезает в обществе равных, она направляется на полезную деятельность вместо того, чтобы теряться в заблуждениях или расходоваться попусту. Тот, кто считает, что при общности будут царить скука и монотонность, глубоко ошибается. В новом обществе, утверждает «L'Humanitaire», очевидно не без влияния Фурье, человек не будет привязан к одной и той же работе более одного дня. Его активность будет непрерывно стимулироваться сменой видов труда, частыми путешествиями, открывающимися ему для изучения новыми фактами. Было бы ошибочно поэтому думать, что общность сделает невозможным развитие наук и искусств. Наоборот, полезные виды наук и искусств будут, естественно, получать от общества поддержку.

Во многих коммунистических журналах того времени должны быть отмечены некоторые анархические тенденции. В «L'Humanitaire» они выступают особенно явственно, составляя, по-видимому, одну из характерных черт философии Мейя. Человек по своей природе вовсе не склонен к насилию над себе подобными, читаем мы в «L'Humanitaire». Всякое зло, которое до сих пор угнетало человечество, было результатом невежества людей. Оно не вытекает из законов существования материи. Материя в целом и во всех своих частях являет собой порядок и устойчивость. Всю-

ду, где мы видим беспорядок или разрушение, мы заранее можем сказать, что здесь человек нарушил вечные законы материи.

Человечество до сих пор находилось в противоречии с основными законами своей природы; стремясь обеспечить свое самосохранение, оно подчинялось слепым инстинктам, которые, однако, не были способны гарантировать его существование. Когда разум будет править миром, исчезнут все формы господства человека над человеком.

Нас упрекают в том, пишет автор, что наша система, отнимая у человека возможность делать зло, уничтожает тем самым его «я», убивает человеческую свободу и устанавливает тиранию нового рода. Но тирания есть такое положение, при котором человек вынужден совершать действия, расходящиеся с велениями его разума. Подчиняясь только велениям своего разума, человек обретает свою истинную свободу, которая отнюдь не противоречит принципам коммунистического общества.

Современники считали стремление сочетать коммунизм со свободой характернейшей чертой журнала «L'Humanitaire», противопоставляя тем самым идеологию журнала старым коммунистическим построениям времени Буонарроти и Теста³⁰.

В соответствии с присущими журналу анархическими тенденциями «L'Humanitaire» посвятил большую сочувственную статью известному французскому писателю XVIII в. Сильвену Марешалю. Марешаль, отмечает автор статьи, резко выступал против законов и правительств. Человек, говорил он, не должен подчиняться человеку. Он считал, что гражданские кодексы и конституции не нужны, что законы моральные могут полностью заменить писанные законы. «L'Humanitaire» восхвалял эти идеи. Анархия, поясняла редакция журнала, есть состояние без правительства, но не состояние беспорядка, как понимают это слово наши политики.

Значительный интерес представляют помещенные в «L'Humanitaire» заметки полемического характера. Так, редакция журнала решительно осудила произведение Ламеннэ, направленные против коммунизма, заметив, что они не заслуживали бы большого внимания, если бы Ламеннэ не завоевал известного круга сторонников в классе пролетариев.

По поводу лионского журнала «Le Travail» редакция, в общем сочувственно характеризуя его, вместе с тем в очень сдержанной форме отмечала, что проповедуемый журналом спиритуализм диаметрально противоположен доктрине общности и равенства. «L'Humanitaire» стремился, по-видимому, к сближению с группой журнала «L'Atelier», считая, что расхождение между ними вызваны неразработанностью социальной науки и их нетрудно устранить³¹. Правильно критикуя «L'Atelier» за отказ привлечь к сотрудничеству в журнале выходцев из других классов, «L'Humanitaire» напоминал, что к рабочему классу не принадлежали ни Платон, ни Мор, ни Мабли, ни Морелли, ни Бабеф, ни Буонарроти. Но, развивая это положение, «L'Humanitaire» приходит к неверному выводу об отсутствии связи между коммунистическими идеями и интересами определенного общественного класса. Истинные идеи ясны пока лишь небольшому числу людей, писал журнал, и эти люди вовсе не принадлежат к какому-либо определенному классу; все классы в равной мере способны давать своих мучеников и борцов за возрождение человечества. Редакция «L'Humanitaire» не боится самых крайних выводов из своих рационалистических посылок. По существу, она отказывается от идеи суверенитета народа, как суверенитета большинства, противопоставляя ему суверенитет

³⁰ V. B o u t o n. Profils révolutionnaires. Paris, 1848—1849, p. 156.

³¹ Журнал «L'Atelier» по своей программе был весьма далек от коммунизма. Журнал проповедовал свободные ассоциации рабочих, организуемые по инициативе самих рабочих, за счет их сбережений. Идеальный руководитель журнала бывший сенсимонист Бюше стоял в вопросах философских на позициях ортодоксального католицизма. Редакция «L'Atelier» состояла исключительно из рабочих, которые ошибочно считали, что отсутствие в редакции интеллигентов обеспечивает рабочий характер журнала.

разума. Противоречия между рационалистическими и материалистическими элементами своего учения редакция журнала не замечала.

Автор статьи в «L'Humanitaire» с явным одобрением приводит замечание Марешаля о революции. Революция, по мнению Марешаля, сделала большое дело, обеспечив индивидуальную свободу, но деятели революции, сосредоточив свое внимание исключительно на политике, упустили из виду вопросы общественной жизни. Революция не завершена. Она лишь пролог будущей, более мощной революции, которая будет последней. Свобода, равенство и братство остаются пустыми словами, если в обществе есть слуги и хозяева, бедные и богатые. В связи с этими замечаниями о революции стоит напомнить, что Марешаль осуждал Робеспьера за то, что он предал эбертистов вместо того, чтобы усвоить их программу. «L'Humanitaire», по-видимому, склонен солидаризоваться с мнением Марешаля.

Во многом соглашаясь с Марешалем, журнал, однако, решительно отвергает его представление о разумном обществе. Марешаль мечтал об уничтожении городов, об их замене мелкими, удаленными одно от другого поселениями, объединяющими людей по семейному признаку. Эту утопию идиллически-патриархального правления «L'Humanitaire» называет «навязчивой идеей» Марешаля.

3

По своим философским тенденциям «L'Égalitaire», «Le Communautaire» и «L'Humanitaire» принадлежат к материалистическому направлению утопического коммунизма. На противоположных, идеалистических, позициях стояли «Le Populaire» и «La Fraternité». «Le Populaire», основанный Кабе в 1841 г. и существовавший дольше всех других коммунистических журналов того времени, отражал идеи мирного «икарийского» коммунизма Кабе, по существу не внося в его доктрину каких-либо новых элементов.

Гораздо больший интерес для истории идей утопического коммунизма представляет журнал «La Fraternité», основанный в том же 1841 г. Шароном и Лаотьером. Активно участвовал в журнале как автор бывший сапожник Савари, уже в 1832 г. выступивший на литературном поприще. Ему принадлежит ряд статей по вопросам о частном присвоении и о системе наемного труда. Впоследствии он, по-видимому, вступил в состав редакции «La Fraternité»³². По существу под названием «La Fraternité» в течение 1841—1843 гг., а затем в 1845 г. издавалось несколько сменявших друг друга журналов с различным составом редакций, выражавших различные оттенки коммунистической мысли. Как и «Le Populaire», «La Fraternité» проповедовал «коммунизм братства и любви», руссоистскую идею Верховного Существа как источника морали, прогресса, свободы, равенства и братства. «Le Populaire» защищал то положение, что старое христианство, правильно понятое, может служить основой для новой социальной морали. «La Fraternité» также весьма высоко оценивал значение проповеди христианства для развития коммунистических идей. В моральной проповеди Христа, утверждал журнал, заключены все социальные принципы. Именно с христианства начинается прогресс человечества, стремящегося к равенству. Человек — это не грубый и неразумный результат игры случайностей, комбинация нескольких молекул. Человек — порождение нематериального разума, который не имеет ни протяженности, ни веса.

Коммунизм отличается от христианства тем, что он не ставит себе небесных целей, а стремится к преобразованию человечества, к слиянию человека с божеством через посредство любви к братьям³³. Комму-

³² V. Bouton. Profils révolutionnaires, p. 27.

³³ «La Fraternité», juillet 1841.

низм — не утопия; люди неоднократно делали попытки его осуществления (Парагвай, моравские братья). Наоборот, утописты — те, кто мечтает об увековечении разлагающегося строя³⁴. Редакция «La Fraternité» полагала, что все социалистические системы порождены коммунизмом и что они должны образовать в конце концов некий синтез.

Моральное преобразование — необходимая предпосылка преобразования социального. Коммунизм — соединение братьев, которые согласованно трудятся над разрешением общих задач. Братство — основное звено в коммунистической организации, звено, без которого невозможно осуществление равенства. Равенство — конечная цель всех усилий человеческого рода³⁵.

Коммунистов обвиняют в том, что их доктрина — доктрина материалистическая, эгоистическая и сенсуалистская. Говорят, что коммунисты разрушают всякий порядок, всякое право, всякую социальную иерархию. В действительности, коммунисты проповедуют порядок, дающий удовлетворение всех необходимых потребностей, уничтожающий все причины деградации, связанные с пороками социальной организации.

Редакторы «La Fraternité» признавали, что коммунизм примыкает к традициям Французской революции. Коммунисты — наследники семян, рассеянных революцией в мире. Они осуждают Фурье за его отрицательное отношение к революции. В той характеристике, которую давал журнал отдельным моментам и деятелям революции, есть ряд интересных черт. Журнал утверждал, что жирондисты боролись против старого режима в интересах буржуазии, тогда как Робеспьер боролся за интересы трудящихся классов. Ведущими идеями Робеспьера были равенство и добродетель. Для него было более важно установление полного равенства, чем уничтожение королевской власти. Идеализируя социальную политику Робеспьера, журнал обнаружил в вантозских декретах проявление тенденции к уравнительному преобразованию собственности. В идее равенства журнал видел также основу религиозной политики Робеспьера, культа Верховного Существа³⁶.

Несмотря на сочувствие журнала Робеспьеру и якобинцам, грядущая победа коммунизма, по мнению редакции, вовсе не требует насилия. Поскольку необходимой предпосылкой социального преобразования является преобразование моральное, задача заключается в мирной пропаганде коммунистических идей, в раскрытии их моральной высоты. Исходя из этой идеалистической концепции, «La Fraternité» резко осуждал «L'Humanitaire» за его «материализм», за присущую ему тенденцию считать основным стимулом человеческих действий интерес, стремление к пользе³⁷. Своими предшественниками в деле пропаганды идей коммунизма, идей братства и жертвенности «La Fraternité» считает Иисуса, Платона, Сократа, Мора, Бабефа, Буонаротти, Оуэна. Ряд положений, ведущих к коммунизму, находит журнал и у Руссо, которого он неоднократно и сочувственно цитирует³⁸.

Анализу социальных отношений буржуазного общества «La Fraternité» первого периода не уделял большого внимания. Известный интерес представляет лишь характеристика положения пролетариев и процесса их капиталистической эксплуатации. Пролетарии, писал «La Fraternité» в статье «Следствие принципа частного присвоения», лишены всех прав на существующее богатство и, в частности, на производительный капитал. Они имеют единственную возможность сохранить свое существование — предложить капиталисту свой труд, иными словами, продать ему за некоторое количество средств существования все права на продукт

³⁴ «La Fraternité», avril 1842.

³⁵ «La Fraternité», juillet 1842.

³⁶ «La Fraternité», septembre 1842.

³⁷ «La Fraternité», aout 1841.

³⁸ «La Fraternité», mai 1841, déc. 1841, oct. 1842 etc.

своего труда³⁹. Пролетарии — это многочисленный и все возрастающий класс людей, не имеющих прав на приводимый ими в движение капитал. Между ними и производительным капиталом нет никакой правовой связи, и потому приращение богатства не имеет никакого отношения к благосостоянию этого класса. Положение пролетария определяется целиком ценой труда. Заработная плата — подлинный обман рабочего. Капиталист платит ему один франк за то, что сам продает за 2, 3, 4, 5, 6 франков. Из этого неизбежно вытекает невозможность для рабочего выкупить продукт своего труда. Сколько бы ни росло общее благосостояние, расстояние, отделяющее рабочего от капиталиста, увеличивается, социальное положение рабочего ухудшается. На пролетариев смотрят как на особую породу людей или даже как на животных. Но пролетарию присущи потребности человека: ему нужны достойный отдых, мир, уверенность в завтрашнем дне, он не может не выражать протест против унижения своего человеческого достоинства⁴⁰. Современные условия унижительны для пролетариев. Коммунисты требуют хлеба для своих несчастных братьев. Коммунисты хотят спасти их не только от нищеты, но и от моральной деградации⁴¹.

«La Fraternité» считал понятие коммунизма тесно связанным с понятием народного суверенитета. Содержание этого понятия ни в коем случае не должно быть, по мнению редакции, ограничиваемо политическими правами. Народный суверенитет есть способ организации общности. Полный коммунизм может быть осуществлен только при помощи народного суверенитета⁴². Салариат (система наемного труда) несовместим с основными признаками гражданина. Разрешение социального вопроса, ликвидация салиариата, является необходимым следствием развития демократического принципа⁴³. Наши отцы в своей борьбе за демократию не решились затронуть принцип частного присвоения и не довели своей борьбы до конца, хотя, отказавшись от признания частной собственности естественным правом, они тем самым признали суверенным собственником общество в целом⁴⁴.

При существующем порядке рабочий ничто, но он должен стать всем, заявлял «La Fraternité», повторяя в соответственно измененном виде известную формулу Сийеса относительно значения третьего сословия. Современное общество построено на основе принципов индивидуализма и эгоизма. В правильно организованном обществе задача правительства должна состоять в том, чтобы обеспечивать всему населению удовлетворение материальных, моральных и интеллектуальных потребностей, употребляя для этой цели все те продукты труда, которые общество может произвести. Правительство должно наилучшим образом организовать все население для возобновления потребляемых продуктов. Правительство, следующее этой программе, обеспечит удовлетворение всех нужд населения, будет пользоваться его поддержкой и привлечет на свою сторону всех разумных друзей человечества⁴⁵. В нормально организованном обществе труд будет признан основой общественного порядка, священной обязанностью каждого. Всякий трудящийся, так же как и всякий участвующий в управлении, будет общественным должностным лицом. В обществе будет полностью реализован принцип равенства: каждому по его потребностям, от каждого по его силам. Плоды общих усилий не должны захватываться отдельными лицами.

Журнал резко высказывался против сен-симонистов, которым он при-

³⁹ «La Fraternité», juin 1841.

⁴⁰ Ibidem.

⁴¹ «La Fraternité», mai 1842.

⁴² «La Fraternité», mai 1842.

⁴³ «La Fraternité», septembre 1841.

⁴⁴ «La Fraternité», aout 1841.

⁴⁵ «La Fraternité», juin 1841.

писывал защиту принципа распределения по способностям. Осуждался также принцип неравенства заслуг и вознаграждения за выполнение различных общественных функций. Каждый должен получать за свой труд средства, необходимые для его существования и благополучия. Право каждого на существование должно быть высшим принципом общества. Общность даст возможность удовлетворить потребности всех, не допуская излишеств ни для кого. Всем будут доступны достижения наук и искусств. Они будут служить при коммунизме не кучке богатых, как это происходит теперь, а всему обществу в целом. Творцы художественных произведений не должны будут принижать свой гений до уровня потребителя. Они будут видеть свою задачу в том, чтобы увековечивать для будущего акты преданности и добродетели, внушать людям энтузиазм, воспламенять сердца и воспитывать, таким образом, добрых граждан⁴⁶.

Преобразование общества совершенно необходимо. Но редакция «La Fraternité» очень осторожна в вопросе о путях этого преобразования. Путь, проповедуемый «L'Atelier», — организация рабочих ассоциаций на средства самих рабочих — «La Fraternité» считал утопией. Такие ассоциации предполагают, что рабочие имеют возможность делать сбережения, но это неосуществимо, так как их заработной платы не хватает даже на необходимое. Не верил «La Fraternité» и в помощь капиталистов в деле организации ассоциаций: уже много лет Фурье и его ученики зывают к капиталу — и что же они получили? Капиталисты понимают, что всякое улучшение имеет тенденцию к уравниванию состояний, а все, что приближает положение рабочего к их положению, враждебно их привилегиям. Невозможна и непрактична также, по мнению «La Fraternité», организация труда существующими правительствами.

Журнал «La Fraternité» проявлял известный интерес и симпатию к попыткам организации коммунистических общин с общественной собственностью на землю и общим трудом, но с индивидуальным потреблением. Однако журнал не видел в такого рода общинах средства для социального обновления: чтобы утвердить полностью принцип коммунизма, необходимо широкое поле деятельности. Отдельные коммуны не располагают для этого ни достаточными ресурсами, ни достаточной моральной силой⁴⁷. «La Fraternité» высказывался против борьбы рабочих за повышение заработной платы. Успех рабочих в такой борьбе — чистейшая иллюзия, ибо повышение зарплаты автоматически ведет за собой повышение цен. Кроме того, улучшение положения в одной профессии неизбежно приводит к ухудшению в другой. Аграрный закон «La Fraternité» считал химерой, от которой все давно отказались.

Таким образом, «La Fraternité» как будто приходил к выводу, что никакая реформа существующих порядков невозможна⁴⁸. Тем не менее журнал был твердо убежден в том, что пропаганда коммунизма принесет благие результаты. Наша пропаганда, заявлял журнал, не служит целям борьбы или раздора, разрушения или смерти. Откровенная и лояльная пропаганда «воспламенит сердца чистой любовью к человечеству, рассеет существующие против коммунистов предубеждения». Все моральные и общественные качества человека мы стремимся одушевить жертвенностью. В эпоху, когда критическое исследование все разрушило, когда все сомневаются в общественном веровании, когда люди отбрасывают принципы, чтобы отдаться во власть фактов, коммунисты поднимают свой голос, чтобы восстановить авторитет вечных законов человека и общества⁴⁹. Мы хотим просвещать наших сограждан, внушая им идеи, ко-

⁴⁶ «La Fraternité», juin 1842, novembre 1842.

⁴⁷ «La Fraternité», septembre 1842.

⁴⁸ «La Fraternité», juin 1841.

⁴⁹ «La Fraternité», mai 1841.

торым принадлежит будущее. Эти идеи рано или поздно будут торжествовать в мире.

Коммунизм — конечная цель человеческого прогресса. Все развитие цивилизации подготавливает приход общности. Чем более человек дик, тем более он проникнут духом собственности. Дикое состояние — состояние борьбы за жизнь. Но незримая рука Провидения ведет человечество к общности. Собственность — лишь ступень на этом пути. При коммунизме будет существовать лишь общественная собственность; индивиды будут владеть теми или иными предметами на правах узуфрукта. Коммунистическое будущее связано со всем ходом исторического развития человечества. Разрыв с прошлым знаменовал бы отрицание прогресса⁵⁰. Человечество всегда стремилось к коммунизму, но на пути к нему оно должно было неизбежно пройти через ряд опытов и неудач⁵¹. В этом великом процессе борьбы за будущее, за торжество вечных законов человека и общества ведущая роль принадлежит Франции. Каждая нация имеет свою миссию во всемирном сообществе человечества. Основной принцип Франции — демократизм. Французы первыми в Европе свергли иго феодализма, первыми порвали с абсолютизмом и завоевали национальный суверенитет. Франция, как авангард всего человечества, должна взять в свои руки инициативу по всем вопросам прогресса⁵².

В течение первых месяцев существования журнала политика его мало интересовала. После ухода из него Лаотьера и изменений в составе редакции журнал продолжал в основном придерживаться программы мирной моральной пропаганды. Он по-прежнему ждал успеха только от нее и относился отрицательно к организации тайных обществ, которые, как утверждал журнал, не имели никаких шансов на успех⁵³. Однако по вопросу о путях и средствах социального преобразования как будто намечался некоторый сдвиг, и журнал стал уделять больше внимания политической борьбе. Демократизация политического строя рассматривалась как необходимая предпосылка переворота социального. Разве можно себе представить, говорилось в январском номере 1842 г., что люди, которые имеют в своих руках богатство, согласятся голосовать за законы, отнимающие у них излишки и распределяющие общественный продукт более справедливо? Рассчитывать на это — безумие. Дворянство не отказалось от своих прав и привилегий добровольно. Его поражение было результатом нескольких веков упорной и ожесточенной борьбы. Подобным же образом и наши правительства будут с ожесточением защищать существующие поныне привилегии. С другой стороны, большинство французов находится под гнетом огрубляющего труда, не имеет никакого представления о политике и социальных принципах, ничего не знает о своих правах. Народ легко провести, он верит всяким пустякам, которые внушает ему кюре. Правительства заинтересованы в том, чтобы держать народ во мраке. Трудно рассчитывать, что народ сможет усвоить коммунистическую доктрину, не получив предварительного воспитания и образования. Совершенно естественно, что ход этих рассуждений ведет к признанию неизбежности насильственной политической революции.

Журнал считал симптомом приближающейся революции беспорядок, характерный для современного ему общества, и предупреждал об опасности преждевременной революции. В одной из статей июльского номера 1842 г. говорилось, хотя и не вполне четко, о связи подготовки грядущего социального преобразования с процессом экономического развития. Возникновение фабрик, концентрация рабочих на них, указывал журнал, воспитывают у рабочих общественные навыки, готовят социальное единство.

⁵⁰ «La Fraternité», mai 1842.

⁵¹ «La Fraternité», novembre 1842, janvier 1843.

⁵² «La Fraternité», mai 1841.

⁵³ «La Fraternité», janvier 1842.

Для дела коммунизма необходимо устранение правительств, защищающих привилегии. Столь же необходимо для его дальнейших успехов установление нового, сильного правительства, ставящего себе целью объединение всех интересов в один общий интерес. Это должна быть демократическая власть, обладающая большой силой и широкой инициативой в деле преобразований. Правительство должно провести ряд мероприятий, укрепляющих народный суверенитет, обеспечивающих общее воспитание и улучшающих положение рабочих. С непосредственным введением коммунистических порядков нечего торопиться. Этому должен, по-видимому, предшествовать некоторый переходный период. Задачей власти в это время должно быть создание уравнивающей и прогрессивной организации труда⁵⁴. Вместе с тем коммунисты должны использовать переходный период для распространения великих принципов человечества, которые, будучи усвоены, определяют и поведение народов. Установление подобного режима облегчит раны народа, но не исцелит их. Коммунисты должны оказать поддержку власти переходного периода, ибо он утверждает демократический принцип и подготовит установление коммунизма. Народный разум при нем получит должное развитие. Народ сам обеспечит затем осуществление коммунизма⁵⁵.

В № 11 «La Fraternité» (март 1842 г.) мы находим интересное рассуждение о собственности и преимуществах общественной собственности перед частной. Мы стремимся к тому, говорит автор, чтобы преимущества, которые дает собственность, сделать общим достоянием. Индивидуальное присвоение вещи ограничивает общее пользование ею. Отсюда следует, что право присвоения, распространяемое на общие фонды — землю, первичные материалы производства, а также на машины, орудия труда, — есть вопиющее нарушение социального права. Индивидуальная собственность является источником неравенства, которое разделяет людей, рожденных быть братьями, на враждебные касты. Революция — движение масс, сбрасывающих с себя оковы рабства, — приняла сначала индивидуалистическое направление. Раздробление собственности было во время революции промежуточным этапом между ликвидируемой феодальной собственностью и будущей социальной.

Может ли человек пользоваться исключительным правом собственности на те или иные предметы? Говорят, что он имеет его на продукты своего труда. Но этот труд сливается с трудом множества других людей. Как извлечь из общего продукта ту часть, на которую вы претендуете как на собственность? Только кажется, что вещь создана тем или иным лицом, но если говорить точно, то в создании каждой вещи принимают участие многие, она возникает в результате кооперации. Ни материал, ни трудовые навыки не принадлежат исключительно кому-либо одному, и поэтому никто не может считаться творцом той или иной вещи. Способности художника не могли бы развиться и найти свое применение в жизни, если бы он не опирался на опыт и достижения своих предшественников, если бы на него не воздействовала его социальная среда.

Защитники собственности утверждают, что собственность — наиболее энергичный стимул к труду и что без этого стимула общество погрязнет в отупении. Но человеческому существу свойственны и другие стимулы соревнования, более высокие, а не только чисто личные интересы; последние влекут за собой антагонизм, нищету, анархию. Многие великие труды, новые изобретения являются результатом чистой любви к знанию, к труду и к общественному благу. Труд для человека является обязанностью, которую он выполняет в силу своих способностей, по сознательным мотивам и по потребности в деятельности. Эти естественные инстинкты человека укрепляются высокой общественной оценкой труда. Пользова-

⁵⁴ «La Fraternité», février 1842.

⁵⁵ «La Fraternité», janvier 1842.

лие продуктами, а не собственность — таково основное право и основной закон распределения богатств.

Братство — господствующий принцип коммунизма — отнюдь не противоречит осуществлению в обществе подлинной свободы, утверждал «La Fraternité» в мартовском номере 1842 г. Цель общества при коммунизме — обеспечить человеку возможность развивать все свои способности. Осуществление его прав и исполнение им его обязанностей составляют подлинную свободу. Свобода дает возможность каждому развивать свой разум и удовлетворять свои моральные потребности. В существующем обществе человек свободен только тогда, когда он богат. Свобода бедного — фиктивная свобода⁵⁶.

В апрельском номере 1842 г. «La Fraternité» анализировал общественную роль власти. История человека до наших дней, писал автор передовой статьи, — это история угнетения и сопротивления. Власть — препятствие на путях прогресса. Между тем она должна была бы быть подлинным представителем общества и его руководителем. Журнал опровергал мнение, будто бы нельзя обеспечить свободу, не сводя к минимуму полномочия власти. Свободные страны вовсе не те, где власть ничто, а масса — все. Власть не страшна там, где народ может в любой момент лишить ее своего мандата. В коммунистическом обществе правительству должны быть предоставлены значительные полномочия⁵⁷.

Ряд интересных статей находим мы в осенних номерах журнала за 1842 г. Одна из них содержит резкую критику безразличия к политическим проблемам. Касты, сменявшие доселе друг друга у власти, говорится в статье, с исключительным упорством старались воспрепятствовать прогрессу просвещения; они, очевидно, боялись, что оно разрушит их власть. Тем не менее трудно понять, почему массы до сих пор остаются в таком неведении относительно своего положения и так безразличны к тому, что непосредственно касается их интересов. Казалось бы, народ после своего частичного освобождения от рабства должен был бы понять, какое значение имеют для него те преимущества политической власти, которыми обладает до сих пор средний класс. Удивительнее всего то, что безразличие народа к вопросам политической власти возводится иногда в политический принцип. Между тем история убедительно показывает, какое значение имеет доступ к политической власти. Царство буржуазии началось только с той поры, когда, вступив на политическую арену, буржуазия вынудила аристократию предоставить ей политические права. Это сделало буржуазию настолько сильной, что все, кто пытался опрокинуть ее господство, погибали на плахе. Только сила обеспечивает право, а силу дает объединение людей, понявших свои права. В настоящее время законы издаются буржуазией на пользу буржуазии. Если народ хочет освободиться от своей нищеты и рабства, он должен понять свои интересы и добиться конституции, которая обеспечит его права. Эту мысль надо проповедовать рабочим повседневно, и она проникнет в их сознание вопреки ложному утверждению, будто политические вопросы слишком сложны для понимания народа. К усвоению этой истины должны быть направлены все наши усилия. «Если бы народы ясно видели путь, который может привести их к счастью, никакая сила мира не была бы в состоянии остановить их на этом пути... Чтобы помешать народу идти вперед, надо помешать ему видеть»⁵⁸.

В январском номере 1843 г. журнал выступил с критикой взглядов буржуазных экономистов Мальтуса и Сэя. Оракулы экономической науки, писал журнал, выдвигают святотатственную идею естественного разрыва между ростом населения и ростом производства; в связи с этим они проповедуют пользу «хорошей» войны. Но чем больше населения,

⁵⁶ «La Fraternité», mars 1842.

⁵⁷ «La Fraternité», avril 1842.

⁵⁸ «La Fraternité», septembre 1842.

чем более активно и трудолюбиво это население, тем больше нужно полезных вещей. По статистическим данным, в одном только Париже десятки тысяч бедных. Оденьте, накормите эту бедноту, дайте ей кров. Это вызовет неизбежно подъем производства. Основным препятствием для такого подъема является существование земельной и промышленной аристократии, присваивающей все средства производства и эксплуатирующей массы. Выход не в уменьшении численности населения, а в преобразовании общественного порядка. Чем больше трудящихся, тем больше средств для удовлетворения потребностей.

Идея войны как средства исцеления зол существующего общества нелепа и жестока. Война законна только в тех случаях, когда нация защищает свою территорию или высокие прогрессивные принципы. В последнем случае война не только законна, но и священна. Таковы были первые войны Французской революции: народ защищал в них права человеческого рода. Но войны во имя завоеваний, порожденные эгоизмом и честолюбием, — это нечестивое святотатство. Таковы войны Империи.

На мартовском номере 1843 г. журнал прекратил свое существование; лишь в 1845 г. была сделана попытка возобновить его. В редакции журнала появились, по-видимому, новые люди, хотя многие из редакторов, в том числе Савари, были и раньше его сотрудниками. В апрельском номере в обращении к читателям редакция заявляла, что журнал народен по самому своему существу. Его идея возникла в рабочей среде. Цель журнала — распространять среди масс, страдающих под гнетом эксплуатации, веру в лучшее будущее человечества. Авторы обещали раскрыть на страницах журнала путем анализа фактов те принципы, которые, по их убеждению, должны были привести к желаемой цели⁵⁹. Свою программу редакция журнала определила следующим образом: социализация естественных богатств и продуктов труда; обязательный труд каждого в соответствии с его силами и способностями; распределение продуктов труда по потребностям. Журнал этого времени не порывал открыто с традициями мирного сентиментально-спиритуалистического направления предшествующих лет. Но в нем чувствовалось также некоторое усиление влияния революционного бабуизма.

4

Среди коммунистических изданий 40-х годов имеется одна книга, которую формально нельзя отнести к числу журналов. Но она составлена из объединенных общей редакцией статей разных авторов и, по-видимому, предполагалось, что книги, ей подобные, будут выходить периодически. Это — «Альманах общности на 1843 г.», изданный Дезами⁶⁰. Этот коллективный труд как бы подводит итоги развитию материалистического течения во французском утопическом коммунизме начала 40-х годов.

Во вступительной статье редакция «Альманаха» недвусмысленно заявляла, что она стоит на материалистических позициях. Коммунистическая школа, говорилось в статье, основывается только на реальностях и на положительных доказательствах. Она отвергает всякие доктрины, основанные на абстракциях и гипотетических аналогиях⁶¹. Наше учение, дополняла эту мысль редакция альманаха в другой статье, не признает существования бестелесных, нематериальных существ. Наша доктрина основывается на физике и физиологии.

Доктрина имеет, по словам той же статьи, глубокие традиции. В качестве своих предшественников «Альманах» называет Пифагора, Эпикура, Демокрита, Аристотеля, Галена и др. Однако, не желая, очевидно, порывать и с христианской традицией, редакторы указывали, что этой доктрине сочувствовали Иисус и некоторые ортодоксальные епископы, к ней

⁵⁹ «La Fraternité», avril 1845.

⁶⁰ «Almanach de la Communauté, 1843» (далее — Almanach).

⁶¹ Almanach, p. X.

были близки гностики, не была она осуждена и церковными соборами⁶². Дезами в своей статье пытался доказать также близость к коммунизму современных ему социальных мыслителей — Луи Блана, П. Леру, Жорж Санд, Пеккера, Прудона, Поттера, Распайля, — приводя из их произведений соответственно подобранные цитаты⁶³.

В «Альманахе» помещены две статьи рабочего Навеля, имя которого впервые встречается здесь как имя одного из пропагандистов коммунистических идей. Социальная наука, писал он, изучает два вопроса: человека в его отношениях с самим собой и человека в его отношениях с внешним миром, иными словами, его потребности и его способности. Целью социальной науки должно быть установление такого порядка, при котором каждый человек может свободно развивать свои способности и сохранять свое существование. Общественное положение должно быть одинаковым для всех, ибо одинаковы для всех основные условия существования и развития. Этот принцип равенства не подлежит, полагает автор, сомнению. Непосредственные выводы, из него вытекающие, — необходимость единства (предполагающего общность благ, общее потребление, отрицание индивидуального присвоения продуктов и материалов) и концентрации сил. Если блага присваиваются и потребляются индивидуально, а силы общества распылены, то обеспечить равенство людей невозможно. Эгалитарный принцип гарантирует всем равное благосостояние; учреждения, основанные на принципе неравенства, не дают такой гарантии никому.

Установление порядка, основанного на равенстве, не требует, утверждала редакция «Альманаха», как бы дополняя рассуждения Навеля, ни долгого времени подготовки, ни длительного переходного периода. Коммунистическая система может быть введена в действие сразу, как только она будет познана и признана общественным мнением. Собственность неизбежно ведет к накоплению индивидуальных богатств. Так как накопление одним человеком не может происходить без потерь для других, то собственность служит препятствием для всех. Собственность по своей природе мобильна, нестойка, использование права собственности подчинено случайностям и обстоятельствам, не зависящим от власти человека. Если собственность расточается, это подрывает благосостояние одного, если она накапливается, это подрывает благосостояние других. Собственность не есть естественное первоначальное право: она целиком зависит от воли и капризов человеческого разума. Смысл и пределы этого права меняются в результате тех или иных общественных переворотов⁶⁴.

Те же, по существу, мысли развивал «Альманах» и в других своих статьях и заметках. Чтобы человеческие способности получили непрерывное и регулярное развитие, говорилось в одной из заметок, необходимо координировать все части социального механизма так, чтобы в своем целом он представлял единство, а в деталях — разнообразие. Только общность рационально разрешает эту проблему. Общность представляет собой единство, ибо все в ней направляется центральным руководством; она вместе с тем разнообразна, ибо в ней каждый выполняет добровольно и свободно свою отдельную миссию, соответствующую его способностям⁶⁵.

«Альманах» обращался в первую очередь к рабочим, что в известной степени выделяет его среди прессы 40-х годов. Первая, после вступительной, статья «Альманаха», написанная Навелем, носила название «Обращение к рабочим» («Appel aux travailleurs»). Рабочие, братья наши!, писал автор, человеческие знания, искусства и техника прогрессируют, богатство общества умножается, но ваше положение несколько не улучшается. Наоборот, ваши страдания, ваша нищета возрастают. Чем же объясняется это противоречие? Верно ли, что мечта о вашем благосостоянии

⁶² Ibid., p. 34, 184.

⁶³ Ibid., p. 62—69.

⁶⁴ Ibid., p. 22—27.

⁶⁵ Ibid., p. 181.

является химерой? — Нет, братья, вам причитается, как и другим классам, ваша доля благосостояния и от вас зависит ее получить. Сумейте захотеть, отстаивайте ваши права — и вы увидите, что ваши многочисленные бедствия исчезнут. Как бы ни было велико зло, оно будет сокрушено⁶⁶.

Приведенные нами начальные строки статьи звучат как революционный призыв, однако автор тотчас же спешит смягчить то впечатление, которое они могут произвести. Это не призыв к оружию, заявляет он. Мы не зовем вас ни к мятежам, ни к изготовлению оружия. Мы не считаем возможным низвергнуть существующую власть при помощи изолированных заговоров. Но, с другой стороны, наша доктрина не ждет общественных преобразований путем самоусовершенствования и самопожертвования. Мы не возвещаем небесного блаженства, счастье должно быть достигнуто здесь, на земле, в том мире, который нас окружает. Вне нашего мира нет ничего. Мы разъясним вам, почему вы всегда были рабами и эксплуатируемыми. Поняв это, вы сумеете преодолеть существующее положение⁶⁷.

По-видимому, тот переворот, который предвещает автор, все же акт революционный (хотя в других статьях «Альманаха» редакция высказывается против кровавых переворотов). В дальнейшем своем изложении автор, констатируя, что история знает много революций, отнюдь их не осуждает. Он порицает революционеров лишь за то, что после революции они не сумели так направить руль государственного корабля, чтобы сделать новые революции невозможными. Гражданские войны не приводили к желательным результатам лишь потому, что народ не проявлял необходимого единения⁶⁸.

Пролетарии, восклицает Навель, ваша беда в том, что вы были устранены от участия в общественных делах и не понимали, как это отражается на вашем положении. Поскольку все дела вершились без вашего участия, они вершились против ваших интересов. Революции прошлого ничего не изменили в положении пролетариев, но они всегда приносили пользу тому или иному эксплуататорскому классу. Примером может служить революция 1789 г., после которой значительно улучшилось положение буржуазии. Буржуазия в результате этой революции завоевала политические права и покончила с феодализмом. Ее победа над дворянством была полной. Рабочие, не способные ничего предпринять самостоятельно, были лишь слепым орудием в руках буржуазии. Они оставались индифферентными, предоставляя ей свободу действий. Июль 1830 г. оказался простым повторением того, что произошло в 1789 г. Всегда обманываемые и все же доверчивые пролетарии и на этот раз не сумели воспользоваться победой, которая в значительной степени была обусловлена их участием в борьбе. Во всех революциях мы видим одно и то же: активный и смелый класс интриганов, провоцирующий движения, и рядом — легковверный и невежественный класс трудящихся.

В заключение своей статьи автор вновь призывает пролетариев понять, что корень их бед — в существующей социальной организации, и подняться на борьбу против нее. Частные реформы не могут помочь, нужно полное преобразование общества. Для этого, очевидно, необходим переворот, передающий власть в руки масс. Но и такого переворота недостаточно. Надо, чтобы массы знали, какие учреждения должны сменить существующий порядок. Без этого переворот может привести только к смене одной тирании другой, одной эксплуатации — другой. Мы убеждены, говорит автор, что пороки современного общества могут быть устранены реализацией наших принципов — принципов равенства и общности благ⁶⁹.

⁶⁶ Almanach, p. 13—14.

⁶⁷ Ibid., p. 16.

⁶⁸ Ibidem.

⁶⁹ Ibid., p. 17—22.

Одна из статей «Альманаха», посвященная вопросу о браке, написана Гэем, который уже в 30-х годах пропагандировал во Франции учение Оуэна. Гэй исходил из того, что отсутствие рационального решения вопроса о браке мешает распространению идей общности. Любовь в наше время есть сочетание трех редко встречающихся вместе явлений: эгоизма, дружбы и чувственности. В результате воспитания у наших потомков мотивы эгоизма исчезнут. Дружественные отношения будут весьма разнообразны и половые связи будут их только укреплять.

Коммунистическое общество обеспечит всем и каждому благоденствия общего бытия. В этом обществе не могут сохраниться частные общества и частные домохозяйства, т. е. группы эгоизмов. Дети в будущем обществе не будут более собственностью родителей, они будут получать общее воспитание в большой семье, т. е. в обществе в целом.

Там, где в обществе свирепствует конкуренция, где люди находятся в борьбе друг с другом, маленькая община есть единственное убежище, где можно встретить верного друга и надежного союзника. Всеобщая ассоциация, основанная на братстве, которую мы проповедуем, будет в большей мере, чем любая частная община, обладать способностью превращать всех людей в искренних друзей. С укреплением этих уз дружбы будет расти и крепнуть единая семья человечества.

Обеспечение материальных интересов как женщины, так и мужчины и общественное воспитание детей создадут условия для абсолютной свободы любовных отношений, свободы, которая сделает любовные связи лишь более прочными и долговечными ⁷⁰.

* * *

Рост капиталистической индустрии, происходивший во Франции 30—40-х годов весьма быстрыми темпами, вел с неизбежностью к росту числа пролетариев и их классового самосознания. Ко времени революции 1830 г. капиталистическая промышленность завоевала уже во Франции ряд ключевых позиций. 30—40-е годы — годы широкого распространения во Франции стачечной борьбы рабочего класса, годы выхода пролетариата на арену политической борьбы.

В первые годы Июльской монархии рабочие еще не были в состоянии подняться до понимания идеи классовой политической партии, но с дальнейшим ростом классовых противоречий в рабочем классе крепло сознание того, что у него имеются собственные политические задачи, что ему необходима собственная политическая организация. Эта идея нашла свое выражение в организации тайных обществ, которые в 40-х годах становятся все более рабочими по своему составу, все более революционными по своей программе.

Последние восемь лет Июльской монархии отмечены, с одной стороны, большим подъемом стачечной борьбы, с другой — значительным усилением коммунистической пропаганды. «Социализм,— писал Энгельс,— означал в 1847 г. буржуазное движение, коммунизм — рабочее» ⁷¹. Коммунизм тайных обществ 40-х годов был, говоря словами Энгельса, «только вчерне обработанный, лишь инстинктивный, подчас грубоватый коммунизм» ⁷². Именно различные оттенки этого инстинктивного и грубоватого коммунизма нашли свое отражение в рассмотренных нами коммунистических журналах.

Некоторые из этих журналов основывали, как мы видели, свою пропаганду на принципах идеализма, на христианских традициях, другие — на принципах рационализма и метафизического материализма XVIII в., иные

⁷⁰ Almanach, p. 61—62.

⁷¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. XVI, ч. II, стр. 52.

⁷² Там же.

некритически сочетали в своих построениях обе эти тенденции. Все эти разновидности коммунистической пропаганды носили утопический характер. Системы, которыми они вдохновлялись, были бессильны разрешить задачи, поставленные историей перед рабочим движением, бессильны создать теорию, которая могла бы научно осмыслить историческую роль борьбы пролетариата. Тем не менее следует признать, что коммунистическая пропаганда журналов поставила, хотя и не сумела их научно разрешить, ряд новых для утопизма проблем: проблему социальной революции и роль в ней рабочего класса, проблему связи рабочего движения с политической борьбой, проблему самостоятельной классовой организации пролетариата.

Для того чтобы поднять социалистическую теорию на высоту подлинной науки, нужно было извлечь из фантастической оболочки все ценное, что содержали в себе системы утопистов; нужно было теоретически осмыслить опыт реальной борьбы рабочего класса; нужно было открыть подлинный научный метод исследования явлений общественной жизни — метод диалектического материализма. Разрешить эти задачи смогло лишь великое учение Маркса и Энгельса.

1917